

**НОВЫЕ
ПЕТЕРБУРГСКИЕ
ТАИНЫ**

ИРИНА
ГРАДОВА

АРИЯ
ДЛЯ
ПРИЗРАКА

Москва
2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г75

Оформление серии *А. Дурасова*

В оформлении обложки использован
городской пейзаж «Уединение на Мойке» (2018 г.)
художника *Олега Ильдюкова*

Г75 **Градова, Ирина.**
Ария для призрака : [роман] / Ирина
Градова. — Москва : Эксмо, 2018. — 320 с. —
(Новые петербургские тайны).

ISBN 978-5-04-094745-4

В городе Белых Ночей много достопримечательностей — парков, дворцов, музеев. И театров. Один из них, «Гелиос», славится своими балетными постановками, а руководит им знаменитый Игорь Байрамов. К сожалению, как и в любом другом городе, в Санкт-Петербурге случаются преступления. А уж если это преступления в сфере искусства, когда под угрозой смерти оказываются «селебрити»... Марго Синявской, дочери балетмейстера-хореографа с мировым именем и жене не менее известного танцовщика Игоря Байрамова, не впервой заниматься такими делами. Она своя в этом узком мирке и не раз сталкивалась с тем, что даже в среде, далекой от уголовщины, происходят порой странные, невообразимые вещи. Вот и сейчас, когда в «Гелиосе» арендует сцену труппа, готовящая постановку «Призрака оперы», Марго оказывается в эпицентре драмы. И лишь от нее зависит не только будущее спектакля, но и жизни артистов!

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Градова И., 2018
© Ильдюков О.Е.,
иллюстрация, 2018
© Оформление.
ООО «Издательство
«Эксмо», 2018

ISBN 978-5-04-094745-4

ПРОЛОГ

1998 год, февраль

День для похорон выдался неудачный. Хотя, в самом деле, может ли такой день вообще оказаться более или менее удачным? Третье февраля. Словно предчувствуя скорый конец, зима попыталась снова вступить в свои права, споря с естественным порядком вещей. До этого три недели царила оттепель. Ночью подмораживало, а с утра лед, смешиваясь с грязью на улицах, образовывал густую серую жижу, которую прохожие месили, словно тесто, увязая сапогами по самые голенища. А прошлой ночью началась метель. Она занесла все неприглядное в городе, и он мгновенно превратился в белое снежное царство. Деревья стояли, словно увенчанные песчовыми шапками, и лишь по смутным очертаниям удавалось определить, что огромные сугробы возле домов — на самом деле автомобили, занесенные снегом.

К утру метель не улеглась. Дул пронизывающий западный ветер, и хотя термометр показывал всего пять градусов мороза, из-за ветра казалось гораздо холоднее. На кладбище не было ни души, только у одной могильной плиты стояли четыре человека, один из которых был работником кладбища. Трое других — две женщины и закутанный, как маленький космонавт, ребенок — пришли проводить в последний путь ту, чью фотографию на эмали младшая из двух женщин вот уже несколько минут пыталась приладить к плите, на которой крупными золотыми буквами ранее было выбито мужское имя и годы жизни — 1928—1982.

— Не выходит, — жалобно произнесла женщина, безуспешно пытавшаяся приклеить фотографию. Она положила ее на бордюр и стала отогревать покрасневшие от холода руки своим дыханием.

— И не выйдет, — со знанием дела отреагировал работник кладбища, мужик лет сорока, абсолютно трезвый, что уже само по себе удивительно. Он копал неглубокую ямку, в которую, судя по всему, предполагалось опустить деревянную урну с прахом, стоявшую у оградки.

— Надо фотку на цемент посадить, — продолжал он. — Тогда, может, несколько лет продержится. Да и цемент в нашем сыром климате нужно постоянно менять, а вы на «Момент» приклеиваете, это ж смех один, по морозу-то!

Женщина постарше, к ногам которой жался замерзший ребенок, стояла молча и безучастно.

— Ты бы поплакала, — мягко кладя сухонькую руку ей на плечо, произнесла младшая. — В крематории ни слезинки не проронила, и сейчас вот...

— А чего зря плакать? — равнодушно отозвалась та. — Не хотела бы я дожить до того времени, когда она вовсе человеческий облик потеряет: и так из дома все вынесла на продажу! Мне детские вещи, сама знаешь, у соседей прятать приходилось, чтобы ребенка голым не оставить... Нет у меня слез для нее!

Работник кладбища взял урну и аккуратно поместил ее в яму.

— Ну, что, засыпаем? — спросил он.

Старшая кивнула, младшая залилась слезами, словно плакала за двоих. Закидав яму мерзлой землей, мужик поднял фотографию на эмали с бордюра и пригляделся внимательно.

— Красивая девка была, — отметил он. — Глазищи-то какие!

Борясь с дующим в лицо ветром, маленькая процессия медленно двинулась к выходу. Метель продолжала бушевать, занося место, где только что захоронили урну, и через десять минут никто уже не смог бы определить, что в этот день кладбище посещали люди: следы их исчезли под белым пушистым покровом.

* * *

Он посмотрел на нож в своей руке, словно не веря в случившееся. Но факт оставался фактом: он только что вытащил окровавленное лезвие из спины человека, который на короткое время заменил ему отца. Зачем он вообще его вытащил? Это оказалось нелегко: тело почти окоченело, и пришлось упереться ногами в тяжелые ножки стола, чтобы вырвать его из одеревеневших тканей. Нож выскользнул из рук и со звоном упал на деревянный пол. Постепенно стала возвращаться возможность здраво рассуждать: если его здесь обнаружат, он немедленно окажется в камере, а этого нельзя допустить — он и так слишком много времени провел в тюрьме и не собирался повторять опыт. Конечно, много ему не дадут, он ведь несовершеннолетний, но и вряд ли отпустят на все четыре стороны при таком раскладе! Он с ужасом представил, что его могут вернуть обратно, к матери, и от этой мысли принялся дрожать, как будто только что вылез из ледяной воды. Нет, его голыми руками не возьмешь, лучше он, как дикий зверь, станет жить в лесу, чем вернется туда, откуда с таким трудом сбежал!

Он бросился в спальню и стал лихорадочно собирать вещи. Ни одна из них ему не принадлежала — все подарены покойником. Затолкав в холщовый мешок одежду и все, что могло пригодиться в длительном походе, он уже собирался покинуть дом, но вдруг вспомнил о самом

главном: бабки! Он выскочил в сени и порылся в поленице, где старик хранил деньги — несколько купюр по сто рублей, десять — по тысяче. Небогатый улов, но и на том спасибо. Затем он вернулся в комнату, чтобы одеться и прихватить свой узел.

В дверях оглянулся в последний раз: тело, разумеется, оставалось в том же положении, а окровавленный нож по-прежнему валялся у ног покойника. На мгновение слезы подступили к горлу, но он не позволил себе заплакать: что сделано, то сделано, и пути назад нет. Захлопнув дверь, он вышел в метель, которая сбивала с ног, но и укрывала от любопытных глаз. Да, нынешняя непогода ему только на руку!

2014 год, декабрь

Татьяна отложила щетку, которой безуспешно пыталась пригладить непослушные пряди, торчащие в разные стороны: что бы она ни делала, какими бы средствами ни пользовалась, ее тонкие и жирные волосы выглядели одинаково — так, словно нуждались в мытье. А ведь она моет голову каждый день! Эти рекламные ролики, провозглашающие, что «волосы станут красивыми и блестящими, если вы будете использовать наш шампунь (бальзам, мусс для укладки и т.д.), всего за несколько минут», безбожно врут — ничего подобного не происходит. Правду говорят — если бог не дал чего-то, любые старания бесполезны: хорошие волосы или кожу можно сделать идеальными, а плохие... Правда, с чем у нее нет проблем, так это с кожей. Она гладкая, светлая, без прыщиков или неровностей, приятная на ощупь. Кожа — единственное, что она получила от матери, остальное, вероятно, от отца. Самое обидное, что Татьяна его даже не знает. Она никогда не видела его, понятия не имела, где он живет и работает и есть ли у него другая семья.

Татьяна посмотрела на фотографию на стене, с которой улыбались красивая светловолосая женщина и маленькая розовощекая девочка. На этом фото она похожа на мать, почему же с возрастом так изменилась? Таня тоже могла бы рассчитывать на прекрасные белокурые локоны, на такие же бездонные, синие глаза и ямочку на подбородке, которая выглядела так сексуально! Бабушка говорила, не родись красивой, а родись счастливой, но

что толку? Если бы Таня чувствовала себя счастливой, возможно, она не обижалась бы на матушку-природу, которая здорово на ней «отдохнула». Счастливой Таня себя бы не назвала. Ей недавно исполнилось двадцать два года, она занимается нелюбимым делом и вынуждена ежедневно выслушивать упреки от тех, кто многого добился в жизни. От этого она чувствовала себя еще более несчастной и униженной.

Однако, пожалуй, несколько лет своей жизни Таня все же могла назвать по-настоящему счастливыми. В то время они с матерью и бабушкой жили за городом. Мама водила ее в детский сад в соседний поселок, и по дороге они смеялись и шутили. Вечером ее забирали бабушка или мама. На обратном пути они заходили в магазин в центре поселка, и Танюше обязательно покупали что-нибудь вкусное — ириски, шоколадные батончики, большую конфету «Мишка на Севере» или «Красная Шапочка».

Потом они переехали в город.

В школе (ее отдали в музыкалку, как и мать в свое время) Татьяна впервые почувствовала себя несчастной. Нельзя сказать, чтобы ее недолюбливали одноклассники или учителя — они ее просто не замечали, и это было самое обидное. Возможно, если бы Таня обладала легким и веселым характером, ей и удалось бы найти общий язык с ребятами, но она была скрытной, погруженной в свой собственный мир. Учителя жалели ее, зная о том, что ребенок рано потерял мать, но время шло, а Татьяна становилась все более замкнутой.

Тетя Лида и бабушка много раз предлагали Тане пригласить домой подруг на день рождения или любой другой праздник, да, в конце концов, и просто без повода, но она отказывалась: у нее не было подруг. Одноклассницы с удовольствием списывали у Татьяны домашние задания, особенно по русскому языку, литературе и сольфед-

жо, в котором Татьяна была особенно сильна, но они никогда не приглашали ее в гости и не предлагали сходить вместе в кино или на прогулку.

Правда, одна девочка хорошо отнеслась к Татьяне. Ее звали Люба. Она перешла в их школу в шестом классе и легко влилась в детский коллектив. Отец Любы был военным, и семья частенько переезжала. Веселая и жизнерадостная Люба постоянно что-то придумывала. То ставила спектакли, вовлекая в них одноклассников, а потом показывала учителям, родителям и даже соседям по дому. То вдруг приглашала друзей домой и угощала мороженым и пепси-колой. Ее мама пекла замечательные пироги с капустой или с яблоками, и дети могли вдоволь наесться вкусностей.

Люба оказалась первой из одноклассников, кто обратил на Татьяну внимание. Она удивилась, почему эта странная девочка всегда одна, почему она не играет на переменных с ребятами и не посещает дни рождения и другие мероприятия, на которые всегда приглашали Любу, хоть она и новенькая в классе. Как-то раз девочка подошла к Татьяне и заговорила с ней. Скоро Таня поняла, что не может обходиться без новой подруги. Благодаря Любе к ней стали лучше относиться. Если Любашу куда-то звали, она просила разрешения привести с собой Таню. Рядом с Любой Таня чувствовала себя значительной. Любе удавалось все, за что бы она ни бралась, и Татьяна боготворила ее. Девочки часто рассуждали о том, как вырастут, станут знаменитыми и начнут гастролировать по миру с концертами, и самые известные музыканты будут считать за честь выступать с ними на одной сцене.

Люба проучилась в Танином классе всего год, а затем ее отца перевели в другой город, и Таня опять осталась одна. Без Любы она перестала быть интересной своим одноклассникам и снова стала печальной маленькой те-

нюю, бродящей по школе в одиночестве. Но это, как выяснилось, еще не самое страшное.

В девятом классе Таня открыла для себя две удивительные вещи. Первая: оказывается, ей нравятся мальчики. Вторая: мальчиков она, Таня, абсолютно не привлекает. Особенно ей нравился Рома Вайнштейн, симпатичный и бесспорно талантливый. Рома учился в параллельном классе, и все прочили ему карьеру блестящего скрипача. Он великолепно играл на скрипке, а также на фортепиано и гитаре, что делало его незаменимым в любой компании. Таня и мечтать боялась о том, что когда-нибудь этот принц обратит на нее свое царственное внимание, и лишь тихо вздыхала, когда Рома проходил мимо, скользя по ней безразличным взглядом, словно Таня являлась предметом мебели. Однако в последнем классе случилось чудо: Рома пригласил ее на дискотеку по случаю празднования Нового года. Таня не знала, куда деваться от восторга, но одновременно и волновалась, ведь надо соответствующе выглядеть рядом с популярным парнем! Тетя Лида сшила замечательное платье, и Татьяна, сияя от счастья, отправилась на праздник. Всю дорогу до школы она боялась присесть или прислониться в транспорте к чему-нибудь, чтобы не помять наряд. Рома встретил ее в холле и похвалил платье! А когда начались танцы, к нему подошла Вероника Суворова, девочка, с которой Рома дружил раньше, но поссорился перед самой дискотеккой. Они помирились, и весь вечер Таня просидела на стуле в углу, глядя на танцующие пары. Придя домой, она с ожесточением сорвала с себя платье, которое еще несколько часов назад так боялась помять, скомкала и засунула в дальний угол шкафа, чтобы оно не напоминало ей об унижении.

В учебе Таня подавала определенные надежды. Она хорошо играла на фортепиано, и преподавательница Гелена

Анисимовна Шестакова прочила ей отличную музыкальную карьеру.

— Ты обязательно должна поступать в консерваторию, — говорила она. — У тебя есть способности, а также упорство и целеустремленность, которые необходимы настоящему музыканту!

Татьяна прислушалась к совету. Ей хотелось доказать всему миру, что она на что-то способна. Таня решила прославиться, чтобы все, кто не замечал ее, стали кусать локти оттого, что не разглядели в неприметной, блеклой девочке гения! Она без труда поступила в консерваторию и остервенело принялась за учебу. Правда, преподаватели считали, что в манере ее исполнения отсутствовало главное, которое отличает пианиста-виртуоза от просто пианиста. Душа. Они признавали, что Танина техника выше всяких похвал, но, оказывается, каждый исполнитель должен вкладывать в игру что-то свое, заставляющее одно и то же произведение звучать по-разному под пальцами разных пианистов. Вот этого-то Таня и не смогла постичь, как ни старалась. Она с разочарованием поняла, что высот ей не добиться и что она навсегда останется посредственностью с мозолями на пальцах от постоянных упражнений и кучей комплексов из-за несбывшихся надежд!

Придя к выводу, что слава ей не грозит, Татьяна решила бросить музыку. Тетя Лида пришла в ужас, но девушка ясно дала понять, что не передумает. Она долго маялась без дела, не зная, чем хочет заняться, а потом случайно наткнулась на объявление в газете о курсах визажистов-гримеров. Таня решила рискнуть. Она надеялась найти работу в каком-нибудь театре и все-таки быть поближе к искусству. Девушка закончила курсы и стала очень хорошим специалистом. Она обладала чутьем и вкусом

и умела подчеркнуть достоинства внешности, замаскировав недостатки.

Татьяне не удалось устроиться в театр: куда бы она ни приходила, везде оказывалось, что вакансий нет. В результате знакомая тети Лиды устроила ее в салон красоты, где Таня получала неплохую зарплату, однако не испытывала никакого удовольствия от того, что превращала просто богатых дам и девиц в богатых и красивых. Сидя перед зеркалом, она с тоской смотрела на свое отражение и задавала себе сакраментальный вопрос: почему одним — все, а другим — ничего?

* * *

Шел снег. Новый год не за горами. Крупные хлопья падали на асфальт и тут же таяли, но тем не менее создавалось ощущение приближающегося праздника. Люди толпами сновали туда-сюда, забегали в ярко освещенные и красиво украшенные магазины и выходили, нагруженные коробками и пакетами, рулонами оберточной бумаги и разноцветными связками «дождика» различной степени пушистости. Казалось бы, СМИ только и говорят о мировом кризисе, доллар и евро растут, рубль падает, но народ ни в какую не желает мириться с таким положением вещей. Кризис — ха! Это там, у них, может, и кризис, а у нас — Новый год на носу!

Макс любил предновогоднюю суету и радовался тому, что сегодня Самвел отпустил его домой раньше обычного: на рынке отключился свет, и торговцам ничего не оставалось, кроме как собирать товар и заканчивать рабочий день. Поэтому, несмотря на то, что было всего пять часов вечера, Макс получил возможность прогуляться по улицам.

Макс жил с бабушкой, бывшей учительницей русского языка и литературы, в коммуналке в районе станции ме-

тро «Сенная площадь». Им принадлежала одна большая комната. Всего же в квартире было шесть комнат: говорят, до войны в ней жил какой-то профессор, и Макс часто пытался представить себе, каково это — иметь целых шесть комнат и никаких соседей? Кроме Макса с бабушкой в квартире обитали три семьи — дядя Паша, тихий алкоголик с ужасно ворчливой женой тетей Марусей, Лазаревы в количестве пяти человек и старушка, которую все звали просто «баба Лена». Максу порой казалось, что у него две бабушки, потому что с детства он равное количество времени проводил и с бабушкой Машей, и с бабушкой Леной, которая на самом деле не приходилась ему родственницей. Старушка была одинока. Она рассказывала, что однажды «сходила замуж», но ненадолго и неудачно. Детей баба Лена в браке не родила, поэтому с удовольствием возилась с маленьким Максимкой, когда его родная бабушка оказывалась занята. Сама баба Лена до пенсии работала на консервном заводе, закручивая банки с тушенкой. Макс помнил ее руки, все в порезах, и перебинтованные пальцы — то один, то другой. Достигнув пенсионного возраста, баба Лена наконец получила возможность заниматься тем, что у нее получалось по настоящему хорошо, — шитьем. Шила она с выдумкой, умудряясь из дешевых материалов сварганить вещи, в которых не стыдно показаться в самых престижных местах (хотя, надо признать, ее клиенты в таких местах не бывали и, скорее всего, даже не знали об их существовании!). Максимка и баба Маша тоже щеголяли в одежде «от бабы Лены».

В школе Макс не особенно блистал, чем вызывал огорчение бабушки, когда она, в очередной раз открывая дневник, натыкалась на двойки и тройки даже по тем предметам, которые большого ума не требуют. Но Макс все же имел две стабильные пятерки — по физкульту-